

Он не смел смотреть долго, мысленно твердя себе: это же твой брат! Посмотри на его лицо! Вы же вместе росли!

Он смотрел на лицо Тан Сяоу. Черты Тан Сяоу были словно нарисованы, черты лица оказались невероятно красивыми. Раньше он как-то не замечал, но в какой-то момент его брат стал ещё прекраснее, чем в детстве.

Тан Сяоу достал светло-жёлтую шёлковую ленту. Изначально это было украшение пояса даоса из Храма Саньшань, такие были у всех. Тонкая, как ивовая веточка, на конце свисали маленькая нефритовая бусина и два пучка светло-жёлтых кистей.

Тан Сяоу, воспользовавшись его неготовностью, обвязал лентой основание его члена. Лёгкое ощущение сдавленности заставило его ахнуть, и он воскликнул:

— А У, что ты делаешь?

Говоря это, он не решался бороться с Тан Сяоу, боясь, что какая-нибудь неожиданность лишит его мужского счастья на всю оставшуюся жизнь.

— Если перевязать, не будет изливаться.

С серьёзным видом заявил Тан Сяоу.

Бай Иньфэну было немного неприятно, что с ним так обращаются, но, увидев предельно серьёзное выражение лица Тан Сяоу, это лёгкое неудовольствие полностью рассеялось. Он лишь возразил:

— Кто сказал? Сила-то мощная, вдруг вырвется наружу?

— Если и так будет прорываться, тогда останется только заткнуть отверстие серебряной шпилькой.

Сказал Тан Сяоу, обматывая ленту вокруг обоих яичек, перекрещивая её после затяжки и, видя его безучастное выражение, слегка потуже затянул, пока тот не проявил лёгкую гримасу боли, после чего снова обмотал.

Вся лента была сплетена из настоящего шёлка, не было грубого ощущения, как от пеньковой верёвки. Удовольствие, возможно, уменьшилось, но и кожа не повреждалась. В конце концов, мужское достоинство крайне уязвимо, и даже такое чувство ограничения никак нельзя назвать приятным.

— Серебряная шпилька?

Нахмурился Бай Иньфэн.

— Разве это не больно?

— Больно, конечно, будет, но ради лечения ничего не поделаешь. Так что лучше потерпи. Ну как, неприятно?

— Немного.

Это место было перевязано, и Бай Иньфэн от стыда едва выдерживал. Он хотел сказать: что ты за ерунду придумал, сними это. Но Тан Сяоу проявлял заботу из лучших побуждений, и ему

было неловко отказать.

Услышав его ответ, Тан Сяоу начал завязывать узел на головке. Он завязывал равномерно, и когда узел был готов, с обеих сторон остались только кисти. Когда кисти колыхались, нефритовая бусина на них слегка касалась отверстия, вызывая у него дрожь во всём теле, и член, казалось, стал ещё твёрже.

Бай Иньфэн крикнул и не удержался, хотел прикрыть то место рукой, но Тан Сяоу отшлёпал его по руке:

— Не двигайся!

Бай Иньфэн поднял на него взгляд и увидел в глазах Тан Сяоу что-то опасное. Он смутился, но, приглядевшись, заметил, что Тан Сяоу вернул себе прежнее безмятежное и спокойное выражение, словно увиденное было иллюзией.

Он внутренне усмехнулся: наверное, у Тан Сяоу проснулся детский характер — раз уж сделал что-то своими руками, не хочет, чтобы другие портили. Но вслух он нарочно поддразнил его:

— Я просто посмотрю, как ты завязываешь, потом и тебе так же сделаю.

Тан Сяоу усмехнулся:

— Мне это не нужно.

У Бай Иньфэна сразу же словно что-то застряло в горле, не проглотить.

Тан Сяоу нежно погладил свисающие кисти, и выражение его лица, казалось, изменилось. Бай Иньфэн узнал эти кисти — Тан Сяоу часто их носил, и ему показалось, что Тан Сяоу как будто слегка его дразнит, но доказательств не было.

Тан Сяоу помог ему надеть одежду. Штаны были широкими, снаружи ничего не было видно, только при ходьбе кисти слегка покачивались, и в распирающей боли была едва уловимая искра удовольствия.

Чтобы погоняться за этой искрой, казалось, можно было и потерпеть этот дискомфорт.

В это время за дверью послышался смутный крик разносчика воды. Тан Сяоу похлопал его:

— А Фэн, раз оделся, иди принеси воды. Я хочу спать, ещё вздремну.

Разбудил затемно, заставил заниматься любовью, теперь хочет спать — сам виноват!

Бай Иньфэн покачал головой, не стал мешать, взял вёдра и вышел. Тан Сяоу временно жил у него, воды требовалось в два раза больше, придётся сходить ещё раз.

Внизу было перетянато, ощущения были непривычные, но для тренирующегося боевые искусства человека носить песочные мешки на теле — дело обычное. Ради укрепления тела можно и потерпеть.

Так он думал, но, выходя на улицу, чтобы вместе с соседями застояться в очереди за водой, всё же чувствовал неловкость, боясь, что кто-то увидит, что у него под одеждой.

В нижней части тела ещё ощущалась тупая боль, поэтому он мог идти только медленно.

Впрочем, носить воду — это нагрузка на руки, не слишком тяжело.

Вылив воду в чан, он собрался разогреть оставшуюся с прошлого дня еду, но Тан Сяоу утащил его в постель:

— Давай ещё поспим, в обед сходим поесть, остатки выбросим.

Бай Иньфэн слегка нахмурился:

— Далеко идти не могу...

— Тогда я куплю и принесу.

— Эх, ты!

Погода была холодная, готовая еда портилась не так быстро, её можно было есть. В детстве, скитаясь по рекам и озёрам, они хлебнули куда больших трудностей. Однако, если состояние Тан Сяоу в несколько тысяч лянов серебра — не ложь, и они не ходят в рестораны, не пьют вино, а просто покупают готовую еду на вынос, траты невелики, хватит на два-три десятка лет. Поэтому он больше не спорил.

Тан Сяоу увлёк его на кровать, прижал к себе и с довольным видом заснул.

Почему-то Бай Иньфэну показалось, что отношение Тан Сяоу к нему слегка изменилось, как будто стал заботиться о нём больше, чем раньше.

Наверное, младший брат подрос, научился жалеть старшего. Бай Иньфэн обрадовался.

Через два дня из семьи Бай снова пришли. На этот раз это был дальний дядя, приехавший в столицу с Бай Динъюанем.

Бай Иньфэн как раз прошлой ночью изрядно устал от стараний Тан Сяоу, с трудом натянул одежду, сел, завязал пояс и пошёл встречать гостя. От прикосновения к стулу попа болела нестерпимо, поэтому он мог только откинуться на спинку.

К тому же спереди его всё ещё было перетянато, стоял твёрдо и болезненно, наверняка всё торчало, поэтому приходилось сидеть очень осторожно, чтобы дядя ничего не заметил.

Но его кривая, неустойчивая поза всё же разозлила дядю, который стал ругать его за то, что он стоит и сидит как попало, и поволок его обратно, чтобы подвергнуть домашнему наказанию. Тан Сяоу подошёл разнимать и всю потискал Бай Иньфэна за задницу.

Тот бросил на него сердитый взгляд, и только тогда Тан Сяоу выпроводил гостя за дверь.

Семья Бай то и дело наведывалась, оставаться здесь было нельзя.

Тан Сяоу дал денег, сняли уединённую усадьбу с двумя дворами, и той же ночью переехали.

Бай Иньфэн сначала был против аренды такого большого дома — не женаты, двум холостякам столько не нужно, да и денег лишних уходит. Но Тан Сяоу сказал:

— Дом побольше — как бы он ни кричал, никто не услышит.

Бай Иньфэн подумал, что в этом есть резон, и согласился. Сначала ему было немного неловко,

что Тан Сяоу поднял эту тему, но раз тот говорил прямо и открыто, он успокоился.

Погода с каждым днём теплела, воздух становился не таким холодным, и занятия любовью, естественно, стали намного комфортнее.

Незаметно прошло почти два месяца. Бай Иньфэн, обнаружив, что скоро Цинмин, даже опешил.

Казалось бы, просто ели, спали и больше ничего не делали, почему же время пролетело так быстро?

Тан Сяоу каждый день тащил его целоваться и в постель. Сначала у него были неудобства внизу, через несколько шагов приходилось останавливаться и отдыхать, иногда вообще не мог выйти из дома, но постепенно он привык.

После каждого раза боль практически не ощущалась. Лента, хоть и была завязана, не доставляла особых хлопот. Каждый раз, когда нужно было справить нужду, Тан Сяоу позволял ему развязать, но ему казалось, что каждый раз надо просить Тан Сяоу, да и завязывать снова было хлопотно, поэтому он привык терпеть подольше, прежде чем сказать. Неожиданно выяснилось, что если потерпеть подольше, то и при мочеиспускании удовольствие будет особенное.

Единственное, что его немного беспокоило, — каждый раз, когда Тан Сяоу его трогал, даже если они не сразу ложились в постель, внутреннее пространство выделяло много жидкости. Воды становилось всё больше, настолько, что на набедренной повязке появлялись подозрительные влажные пятна.

Он спросил Тан Сяоу, не проблемы ли с кишечником, на что Тан Сяоу уверенно ответил:

— Ничего страшного, когда много занимаешься любовью, так и бывает. Естественная реакция, помогает избежать травм.

Бай Иньфэн немного не хотел больше с ним возиться, чувствуя, что так он становится всё менее похожим на себя самого, и намекнул Тан Сяоу:

— А У, получается, ты уже почти два месяца как спустился с горы? Не хочешь вернуться в Храм Саньшань, проведать?

Тан Сяоу покачал головой:

— Я там временно проживающий. Пока не творю беззаконий за пределами храма, в Храме Саньшань меня не трогают.

<http://bllate.org/book/15610/1393604>